

«Черный свиток», 2011
Пергамин, смешанная техника. 1х5м.
Предоставлено галереей М&Ю Гельман

В пергаминовых листах сквозь грязного цвета туман, похожий на зимнее московское небо, проступают изображения. Лица революционеров, антифашистов, героев войны, борцов за свободу из прошлого и настоящего и люди без имени с фотографии из семейного альбома, выброшенного на помойку, а рядом нарисован Колизей и скопирован детский рисунок, тоже с помойки.

Диана Мачулина

От моего прадеда мне досталась только фотография его карандашного портрета, сделанного по памяти одним из его сыновей, моим двоюродным дедом. Копия копии. Воспоминание о воспоминании. Однажды я вдруг осознал что означает утрата тех странных, нелепых предметов из моего детства. Это значит, что у меня нет вещественных доказательств моего происхождения, моего прошлого! Поэтому я могу вспомнить все, что угодно. Я сочиняю свое прошлое. Память сливается с воображением.

Хаим Сокол

Он задубел, точно короста; или от воды, или же от запёкшейся крови, похожий на расправленный абажур человеческой кожи; строчки полустёрты и чередуются со стёртостями и чёрными зонами, с постепенным (если смотреть слева направо) исчезновением изображений. Пергамент изгибается и волнуется, заваривая рядом с собой то самое нервное струение, схожее со струением жидкого стекла, подчиняющего своё течение опытному стеклодуву.

Дмитрий Бавильский

«Сад», 2011. 169 деревянных жд шпал. Мемориально-утопический лэнд-арт объект, г. Канск
В рамках X Международного Канского видеофестиваля

Два с половиной часа на палящем солнце я сажал старые дубовые шпалы в каменную почву Иерусалима. Содрал руки, кровавые мозоли месяц не сходили. Но шпалы держались недолго, так как ямки были сделаны вширь, а не вглубь, и они все попадали. И я решил повторить перформанс в Сибири, потому что она вся создана на костях, на рабском труде. Я это назвал «мемориально-утопический объект», потому что в невероятном сценарии эти старые шпалы могут расцвести. Поэтому и «Сад».

Вряд ли эти шпалы превратятся когда-нибудь в деревья. Разбросанные на пустыре, обгоревшие, побитые временем, они беспомощны и бесполезны. И лишены корней. Как слова. Но будущее может быть построено только из обломков прошлого. Другого материала у меня нет.

«Дыра», 2011

инсталляция, половые тряпки (Фото:
Павел Киселев)

8x6 м.

*PERMM, Музей современного искусства,
Пермь*

Самый эффектный объект, сшитый из кусков грубой мешковины висит на самой длинной стене.

Внутри тканного коллажа рваная рана с очертаниями нашей страны; стена галереи, выступающей через эту рану окрашена в чёрный цвет. Воспоминания не имеют цвета.

Дмитрий Бавильский

Внутри тканого коллажа рваная рана с очертаниями нашей страны; стена галереи, выступающая через эту рану, окрашена в чёрный цвет.

Воспоминания не имеют цвета, вот и выставка Сокола выдержана в тёмных тонах, не переходящих друг в друга.

Дмитрий Бавильский

«Флаг», 2011

Половая тряпка, дерево, цинковое
ведро
175x200см.

Это о чистоте, а кто в Москве
занимается чистотой? Конечно,
мигранты. А тряпка у меня была
такая старая ветошь, белый нищий
флаг получился.

«Я Спартак», 2011
Видео, HD, 02:57 мин

Хаим Сокол не скрывает той почти непристойной манипуляции, которая и позволяет нам видеть то, что мы не могли и не хотели видеть. Этична или познавательна эта ситуация? является ли она эстетической или политической? экономической или психологической? исторической или локальной, московской? В каких категориях она вообще может быть описана? Как вообще говорить о том, что невозможно описать целиком, и как видеть то, что само является следствием определенного способа видеть?

Александр Евангели

«Свидетель», 2011

Видео
dvd, 3:48.

Ничто не говорит нам, что эти предчувствия имеют основание, скорее это конструктивное предложение. Подходящее время никогда не наступит: не «условия» и «обстоятельства» порождают предчувствие. Это чувство творим мы сами, пусть даже через отстраненный взгляд фланера, как в видео Сокола.

Сергей Гуськов

«Предчувствие», 2011-2013

Трехканальная видео-инсталляция
кольцо, 18 мин.

Предчувствие питается знаками. Как приближение грозы можно заметить до первого появления туч, так и грядущие события ощущаются в изменившейся походке людей, в шуме вентиляции, в волнении луж, в тревожном звонке трамвая, в шепоте памятников. Надо только увидеть, прислушаться, очнуться. И, может, тогда откроется занавес в театре Истории и мы все выйдем на сцену.

Хаим Сокол

Мой метод – своеобразная смесь Беньямина и Энди Уорхолла. От Беньямина я взял особый способ фланирования, блуждания по городу, которое он называет в числе «тактических операций» для актуализации наших чувств. «Не найти своей дороги в городе — это может быть пошлым и неинтересным. Для этого нужно лишь быть невеждой. Но потеряться в городе — как в лесу — для этого надобно умение».

В последнее время стало так модно делать «социальное искусство», что даже в отвлеченных работах готовы выискивать аллюзии на митинги или, скажем, полицейский произвол. Так и выставке Хаима Сокола – художника, который всю жизнь борется с подобающими флегматичному интроверту темами вроде памяти, забвения и личных психологических травм, – суждена судьба чуть ли не художественной версии проекта «Гражданин поэт».

Анна Матвеева

Работа с мигрантами — это, кроме всего прочего, и рефлексия на тему возможности ухода художника в социальное пространство. И я делаю неутешительный вывод, что это невозможно. Во всяком случае, теми методами, которые на данный момент разработало современное искусство — эстетика взаимодействия, парципаторность и тому подобное в том же ряду.

Зачем художник сохраняет старые ботинки и лопаты, а не ограничивается документацией процесса взаимодействия? Является ли желание собрать кучу старых ботинок частью исторической травмы, связанной с Холокостом? Или это проявление того незыблемого правила, что художник должен производить предмет, так называемый качественный продукт искусства (на производстве которого еще недавно, в нулевые, настаивало все наше арт-сообщество)? Но куча ботинок не является авторизованным реди-мейдом, на ней нет подписи автора.

Оксана Саркисян

Этическая составляющая проекта Хаима Сокола вполне однозначна: он не дает обещаний, которые не смог бы сдержать. Он не утверждает, что его действия ведут к каким-либо позитивным сдвигам, — вовсе нет, он скорее пытается нащупать механизмы эксплуатации и схему отношений. И в данном вопросе он достигает определенных успехов. Художник не романтический герой и не волшебник, он не может и не должен заниматься спасением мира, но он может и должен принимать участие в глобальных процессах и улучшении мира

Сергей Гуськов

«Спартак. Times New Roman», 2014

ЦТИ «Фабрика», зал Оливье

Хаим Сокол, «Спартак. Times New Roman»

22\10- 24\11, 2014

Масштабный персональный проект как бы подводит промежуточный итог «мигрантского цикла» Сокола, начатого в 2011. На выставке были показаны большие инсталляция из строительного мусора и бытового хлама, специально созданные для пространства Оливье, и состоялась московская премьера фильма «Спартак».

В лучших революционных традициях художник призывает на помощь «духов прошлого». Но если, по словам Маркса, Французская революция «драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи», то Хаим Сокол, скорее, примеряет шинель Советской Республики 1917 года или «Союза Спартака» в Германии в 1918 .

“... история не умерла, но спряталась во время игры «в прятки» в унылой повседневности. И с тех пор сидит там, всеми забытая. Чтобы разыскать ее, нужно вернуться в детство, когда знание дано нам не в опыте, но лишь в памяти подсознания и в воображении.”

И вот, водосточные трубы становятся бюстами героев революции, старое пальто — монументом павшим, половая тряпка превращается в знамя, а триумфальная арка - в пролетарское общежитие»

«Спартак», 2013

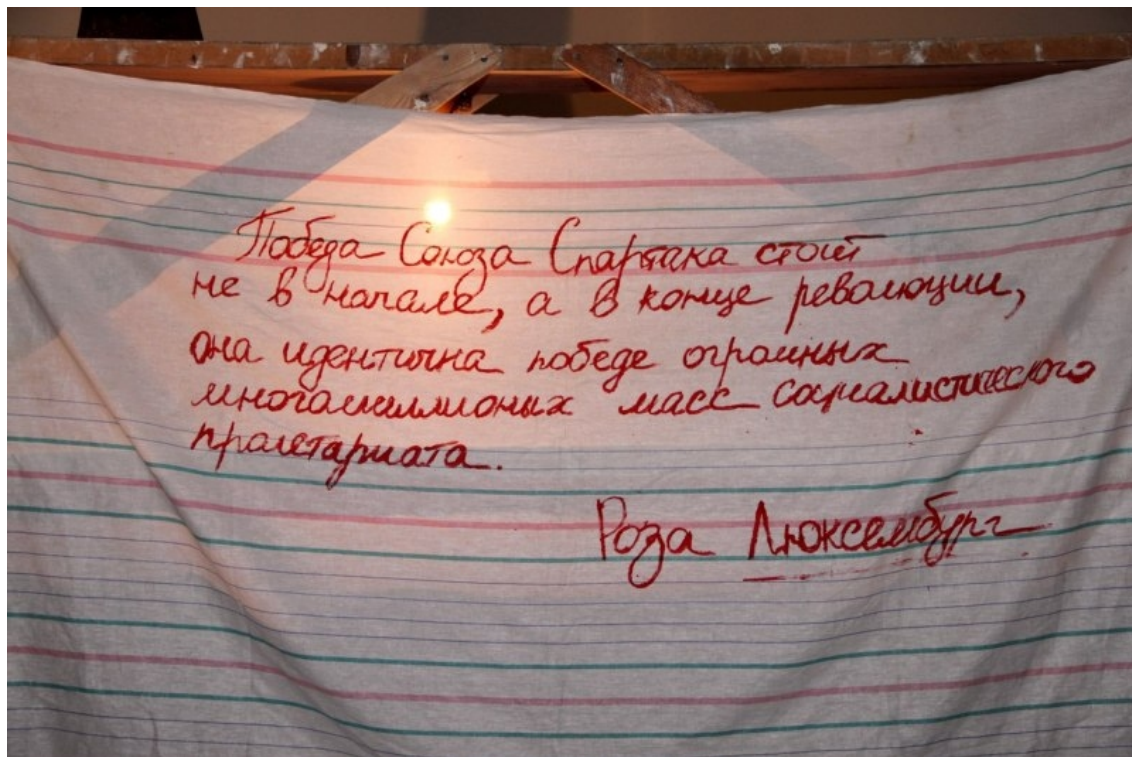

История восстания гладиаторов под предводительством Спартака (73-71 гг. до н.э.) переносится в современную Москву и, возможно, в неопределенное будущее. Трудовые мигранты из Киргизии исполняют роли и римлян, и восставших гладиаторов. Действие фильма происходит в пост-индустриальном пространстве «Фабрики» напротив арки Тита, специально сконструированной в уменьшенном масштабе и задрапированной в ткань для мытья полов. В фильме использованы фрагменты музыки из одноименного балета Арама Хачатуряна.

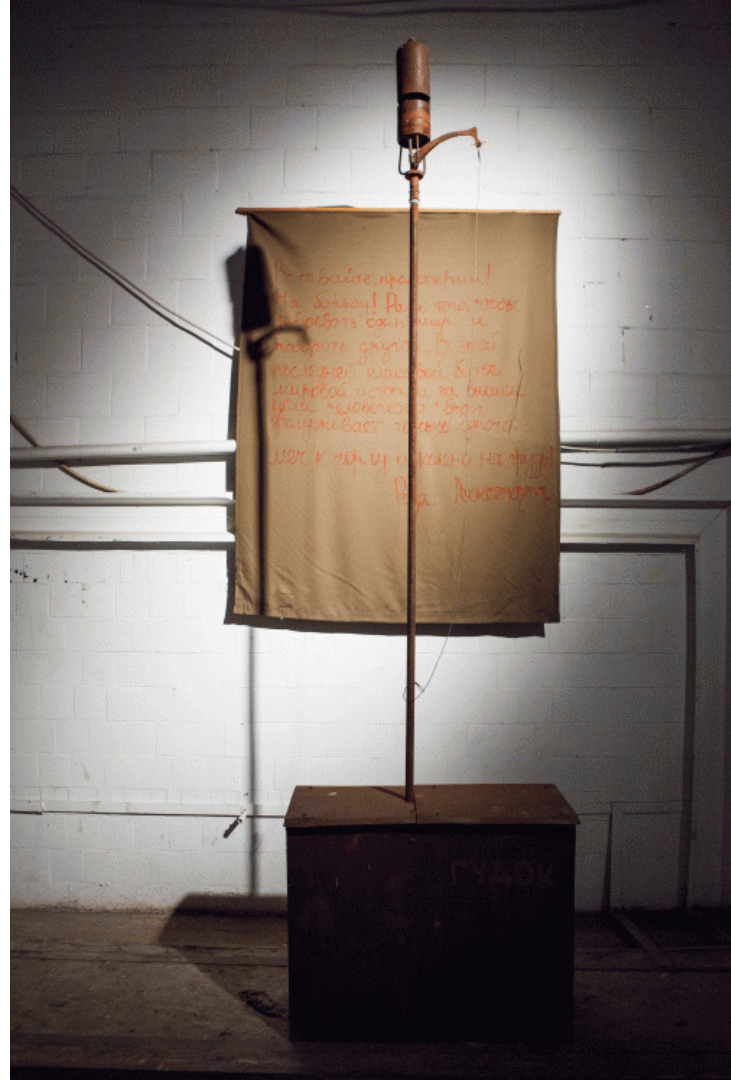

В Москве я живу рядом с метро Бауманская, недалеко от Спартаковской площади. Изначально станция тоже должна была называться Спартаковской. Некоторое время назад на стенах в подъезде моего дома (в очередной раз) появились расистские граффити, призывающие «убивать хачей». Авторы этих надписей (судя по почерку) также признавались в горячей любви к ЦСКА и не менее страстной ненависти к «Спартаку». Интересно, что ЦСКА — в прошлом армейский клуб, а «Спартак» был основан рабочими Красной Пресни, для которых предводитель восставших гладиаторов был настоящим героем.

Мне кажется, важнее всего в этой работе измерение утопии. Вполне романтическая идея обретения свободы через игру и воображение. Вера в лозунги не столько 1917-го, сколько 1968-го. Но также память о том, что язык утопии включает на равных и язык Сергея Эйзенштейна (к которому отсылает видео про восставших мигрантов), и язык Андрея Платонова (визуализированный на выставке в реди-мейдах нищего быта). И напряжение между этими языками создает то пространство мысли и художественного высказывания, в котором критика парадоксальным образом может оказаться инструментом надежды.

Олег Зинцов

При всей любви Сокола к отбросам и закуткам истории, в его работах всегда ощущается уверенная авторская рука, указывающая зрителю путь к исходу. В этом парадоксе – внутреннее напряжение работ Сокола, свойственное отчасти и текстам Беньямина: напряжение между трепетностью и дидактизмом, между встревоженным всматриванием в разнородность прошлого и верой в утопическое единство.

Глеб Напреенко